

Девид Мэйсон

Череп колдуна

1970

Мэйсон Д.

Череп колдуна / Д. Мэйсон — 1970

Настоящее издание представляет собой сборник из трех романов известных американских фантастов Дэвида Мэйсона, Лина Картера, Ханнеса Бока. Это – тематический сборник небольших произведений фэнтези, объединенных темами Волшебства, Судьбы и Дороги. Подобная ретроспектива жанра, без сомнения, заинтересует читателей.

Содержание

1	5
2	10
3	17
4	20
5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дэвид Мэйсон

Череп колдуна

1

Чародей Мирдин Велис, загадочно улыбаясь, закрыл деревянные ставни на окнах своей мастерской, находившейся на самом верху высокой башни. Повинуясь безмолвному жесту колдуна, его ученик Саймон зажег толстые свечи в черных железных подсвечниках, и комната наполнялась желтоватыми отблесками. Чародей уселся в дубовое кресло с тонкой резьбой, стоявшее у круглого нефритового столика, и молча указал на кресло напротив. Ученик придвинул его ближе к столу и сел. Волшебник сложил свои тонкие белые руки ладонями вверх и, опершись на них подбородком, несколько секунд смотрел на Саймона не говоря ни слова.

Мирдин Велис на первый взгляд казался человеком молодым, почти мальчиком – безбородый и бледный. Однако стоило заглянуть ему в глаза – и иллюзия молодости исчезала. Из этих зеленых глаз смотрела старость, и он казался уже не юношей, а глубоким стариком, непонятно почему носящим несообразную ему маску молодости. Глаза, смотревшие из-под маски, видели слишком многое, и улыбка на юном лице не шла к древней и угрюмой усмешке этих глаз.

Саймон, тонколицый и чернобородый, был единственным из учеников Мирдина, прошедшим все извилистые пути премудрости, которыми вел их колдун. Кое-кто из учеников умер странной смертью, другие остались живы, но многие из них предпочли бы смерть тому состоянию, в каком они пребывали ныне. Служить у Мирдина Велиса было и полезно, и выгодно, но небезопасно.

– Все это, – негромко заговорил Мирдин Велис, по-прежнему не отводя глаз от бледного лица Саймона, – мои инструменты, и умение владеть ими, мое золото и мое могущество, и даже эта печать, которую я ношу, – его тонкие пальцы тронули кусок серебра, висевший у него на груди, – даже она (у тебя уже должно достать мудрости пользоваться ею; а может, ты уже настолько мудр, что не станешь пользоваться ею никогда) – все это, кроме дома, будет твоим.

– Благодарю, учитель, – проговорил Саймон. Он не попросил разъяснений. Он выжидал. Так он обычно поступал.

– Еще не сейчас, но уже скоро, – задумчиво продолжал колдун, – я возвращусь туда, откуда пришел... как только будет сделано еще одно дело. Ты не можешь сделать его. Только один человек может... один человек может отнести... некую вещь на предназначенное ей место... и тогда я завершу... все это.

Он шевельнул левой рукой – черный камень кольца мигнул в отблеске пламени, и свечи разом погасли. В темноте засветился зеленый нефритовый стол, и Мирдин Велис склонился над ним:

– Смотри, Саймон.

Из глубины зеленого камня постепенно выросло мерцающее, туманное изображение, которое двигалось и перемещалось по знаку Мирдина. Раздавались, словно издали, приглушенные звуки: топот копыт по каменистой дороге, звяканье металла. Напряженно вглядываясь, Саймон начал различать нечеткие верхушки деревьев, далекую кромку гор и узкую изъезженную дорогу между сосен. Он увидел двух всадников, мчавшихся во весь опор на взмыленных лошадях; тот, что ехал позади, часто оглядывался через плечо.

Затем Саймон стал видеть лучше: лицо первого всадника теперь окружало зеленоватое свечение. Это был сильный мужчина с рыжей, ровно подстриженной бородой и загорелым

лицом – не молодой, но и не старый. На нем был необычный стальной шлем, окаймленный черным мехом, и кожаные, с металлом доспехи под серым рваным плащом. Сквозь дымку Саймону все же удалось рассмотреть и его диковинное оружие: маленький круглый щит с грубо нарисованным на нем каким-то зверем и топор с лезвием в виде полумесяца, который наездник держал в руке.

Другого человека было видно не так ясно. Он казался невысоким, круглолицым и крепким и тоже держал какое-то оружие наподобие лука, но все же не лук.

Они бежали от погони, – это было несомненно, – но их преследователя, кто бы он ни был, Саймон пока не видел.

– Этого человека зовут Оуэн из Маррдейла, – сказал Мирдин, – он занимался многим: был и чем-то вроде ученого, и сочинителем посредственных виршей – видишь маленькую арфу у его седла. И голова его полна глупостей, как у всех людей. Однажды он мог бы сделаться властелином на своей земле, если бы не овладели им пустые идеи. С тех пор он успел послужить нескольким хозяевам, и, надо сказать, он очень искусен в этой любимой игре человечества – войне. – Мирдин тихонько рассмеялся. – Ну а сейчас он занят другим делом – воровством.

– Кто их преследует? – спросил Саймон.

– Бывшие владельцы имущества, которое эти господа украли, – сказал Мирдин. – Это очень ревностные преследователи, они легко не отступятся. Есть одна вещь, которую весьма жаждал заполучить друг Оуэна – вон тот, позади. Видишь кругленького человечка с желтой кожей? Его имя Кайтай, и он отчасти мой коллега, но довольно никчемный.

– Он владеет – Искусством? – спросил Саймон.

– Я же сказал – очень слабо, – ответил Мирдин. – Например, он может, с большим трудом, вызвать дождь, чтобы напоить жаждущий скот в своей деревне, насладиться вожделением на кобыл и на женщин... читать по руке, заставить свернуться молоко или насладиться чирей на недруга. Но он добросовестный школяр, этот Кайтай. Теперь он, увы, изгнанник, из-за своей добросовестности. А завладел он сейчас неким древним пергаментом, который, как он самонадеянно мечтает, поможет ему узнать много более – если, конечно, он сумеет его прочесть. Кроме того, в их дорожных сумках лежат прихваченные заодно драгоценные камни и золотые безделушки.

– Неужели за ними так упорно гонятся из-за горстки цветных камней? – с холодком спросил Саймон. Он уже очень давно научился делать драгоценные камни.

– О, если бы... – усмехнулся Мирдин. – Драгоценности они взяли просто потому, что им подвернулся случай. Нет, дело тут в этом ларце с остатками исчезнувшей библиотеки Шетайны.

– Хо! – коротко выдохнул Саймон.

– Да. Несколько страниц сохранилось, уцелело в Великом Пожаре давних дней. Первая книга и еще одна рукопись, конечно, клочки и обрывки... но стоят многого, очень многого для того, кто умеет читать по ним. Ты можешь читать их, Саймон?

Саймон безмолвно кивнул.

– Ты можешь. Рукописи бесполезны для Кайтая. Он способен прочесть лишь несколько слов на том языке. Риск, которому он подверг себя и своего товарища, был неоправдан. Теперь он погибнет, и Оуэн из Маррдейла тоже, – по крайней мере, если я не помогу им.

– Зачем?

– Услуга за услугу. Таков закон, – сказал Мирдин. – Один я могу сейчас спасти этих глупцов... и они отслужат мне за это.

– А вот и преследователь, – заметил Саймон.

Вдали, в просветах между деревьями, показалось что-то огромное, черное, ужасное. Что бы это ни было, оно двигалось по разбитой дороге, неуклонно настигая всадников. Было ясно, что ветер доносил запах существа до лошадей, и они дико закидывали головы и храпели от испуга, а Оуэн и Кайтай натягивали поводья, направляя их вперед.

Как бы издали, но очень явственно слышались голоса.

– Оно движется слишком быстро, – хрипло прокричал Оуэн, – нет... смысла... бежать от него. – Он тяжело дышал. Лицо Кайтая застыло от ужаса, левая рука его нервно дергалась, но правая все же крепко сжимала оружие. Оуэн круговым движением взмахнул топором и укрепил на запястье щит. Лошади били копытами и дрожали в испуге.

Позади них, за соснами, на дороге, темное существо, казалось, остановилось и припало к земле, будто принохиваясь. Внезапно оно испустило странный кошачий вопль и кинулось вперед, в сторону двух в страхе ожидавших его людей.

– Теперь, – сказал Мирдин, сделав движение рукой, – начну действовать я.

Но черное бесформенное создание уже почти накрыло людей: поднявшись над ними, выше, чем лошадь вместе со всадником, оно, казалось, вот-вот опустит когти на голову Оуэна. Взметнулся щит, и полукруглый топор ударил, врезаясь в черноту. Чудовище взвыло вновь, а в это время Кайтай, безуспешно пытаясь справиться с лошастью, нацеливал свое похожее на арбалет оружие. Прозвенела тетива, и стальной треугольник ударился о черное нечто.

– Сейчас, – произнес Мирдин, и руки его сделали несколько быстрых движений. Внезапно на изображении, горевшем в толще нефритового стола, Саймон заметил яркую вспышку, засветившуюся, как крохотное солнце, на фоне черноты зверя. Будто маленький огонек попал в черный движущийся клубок. Поднявшееся на дыбы чудовище сначала, казалось, ничего не заметило: оно снова метнулось в сторону всадников.

Огонек начал расти, стал с ладонь, затем крупнее и загорелся так ярко, что даже на изображении на него больно было смотреть. Темное создание закричало снова, но теперь по-иному – это был дикий рев боли. Оно успело взреветь только раз: блестящее пламя поднялось искристым столбом – и вновь погасло. Чудовище исчезло. На дороге лежал легкий ровный слой черного пепла, и что-то тонкое и белое виднелось посреди закопченных останков. Больше ничего не было.

Какое-то время Оуэн был занят попытками успокоить лошадь. Кайтай был выброшен из седла и как раз поднимался, стряхивая пыль со своих доспехов и ухмыляясь.

– Мне кажется, у нас где-то есть друг, – обратился он к Оуэну.

Оуэн слез с лошади и стоял, глядя на слой пепла на дороге.

– Кто бы мог подумать, что эта штука окажется такой... такой горючей? – сказал он, потирая подбородок. – Но все же, что заставило ее сгореть?

К нему подошел Кайтай. Круглолицый и низкорослый, он нагнулся и поднял одну из костей. Внимательно изучил ее.

– Это был их Гончий Пес, – произнес Кайтай, – я говорил тебе. У нас где-то есть друг. Может быть, божество, обитающее в этих лесах, покровительствует нам. Обыкновенно... – Он смолк и содрогнулся.

– Обыкновенно никому не уйти от такого преследователя, – договорил за него Оуэн. – Ты уже намекал на это недавно, когда мы подбирались к тому чертову дому. Потом, на несколько минут, я решил было, что единственный раз ты оказался прав. Клянусь праmaterью, именно собаку и надо было послать в погоню за парой неумелых воришек, принимая во внимание, что для меня это первое знакомство с воровским искусством.

– Они, Хранители, оставшиеся там... – задумчиво продолжал Кайтай, – они создают таких существ... особым способом. Чтобы создать такое существо, они используют человека. Обыкновенно другого воришку. Смотри.

Он поднял повыше кость, несомненно человеческую, желтую от старости.

– Этим и объясняется его злость к нам, – усмехнулся Оуэн, – ревность коллеги по профессии. А у них есть еще такие твари, чтобы послать по нашему следу?

– Не знаю, – ответил Кайтай. – Но лучше нам поскорее убираться отсюда.

Мирдин Велис оторвал взгляд от нефритового столика и улыбнулся Саймону.

– Теперь я пошлю горе-путникам свой образ и сообщу им причины, по которым я помог им, – сказал он. – Побудь здесь с моим телом несколько мгновений, друг Саймон. – Волшебник закрыл глаза и откинулся на спинку стула.

Миг спустя на светящемся изображении появилась новая тень и быстро приобрела очертания: будто сам Мирдин Велис стоял на дороге, скрестив руки на груди, и глядел на путников.

Кайтай первым обернулся и увидел колдуна. Его раскосые черные глазки мотнулись сначала к серебряной печати на шее Мирдина, затем к кольцу на его руке. Тут же маленький человечек упал на колени, склонил голову и распростер руки. Он выкрикнул хриплую гортанную фразу на своем родном языке.

Оуэн стремительно повернулся и увидел волшебника. Он остался неподвижен, настороженно глядя на Мирдина и свободно держа свой топор в руке.

– Привет тебе, Оуэн из Маррдейла, – произнес Мирдин. – И тебя, мой коллега Кайтай, я тоже приветствую. Ты можешь подняться.

– Благодарю, мой господин, – сказал Кайтай и неохотно встал. Лицо его ясно выражало, что он предпочел бы удрать, но не решался.

– Я – Мирдин Велис, – проговорил колдун. – Это я сжег Гончего Пса, посланного за вами, и этим спас ваши жизни.

– Премного благодарны, друг волшебник, – сказал Оуэн. – Ну а теперь, по обычным правилам договоров между чародеями и людьми, вы хотите, чтобы вам оплатили, верно?

Мирдин холодно рассмеялся.

– Это правда, – ответил он, – однако я не совсем обычный чародей. Я не требую от тебя, чтобы ты платил мне своей службой за такую малость, как эта. Я уверен, что ты справился бы с собакой и без моего скромного участия.

– Не знаю, – проговорил Оуэн с ухмылкой. – Может, разнес бы на клочки спустя минуту или две, а может быть, и нет.

– Оуэн, друг, пожалуйста... – хриплым шепотом заговорил Кайтай. – Не шути с ним. Он...

– Всего лишь твой собрат в искусстве чародейства, – промолвил Мирдин.

– Что ж, благодарю еще раз, – сказал Оуэн. – Ну а теперь, что касается платы. У нас в мешках есть несколько безделиц и побрякушек, принадлежавших раньше неким аскетам, которые называют себя Хранителями. Они не держат при себе женщин, и им нет нужды в драгоценностях, поэтому мы освободили их от этих вещей. Если вы потрудитесь взглянуть на них...

Мирдин поднял руку:

– Нет, нет. Я сам, до некоторой степени, аскет. Мне не нужно золото. И это все, что вы... э... от чего вы освободили Хранителей?

– Еще кое-какие бумаги... – начал Оуэн, но Кайтай громко застонал.

– Я не стану заставлять тебя отдать мне рукописи, – сказал Мирдин, – просто обещай, что они будут моими, если ты не сможешь ими воспользоваться. Разве это не честная сделка, маленький колдун?

– Если я не смогу... – Кайтай подозрительно взглянул на волшебника. – Ты ослепишь меня чарами и будешь считать это в правилах своей сделки.

– Нет, я не стану мешать тебе попытаться прочесть их. Я обещаю, – сказал ему Мирдин.

– Согласен, – воскликнул Кайтай, – они будут твоими, если мне не удастся прочитать их, но, если я их прочту, они останутся у меня.

– Очень хорошо, – сказал Мирдин, – настоящая цена за одну жизнь. А за твою, Оуэн из Маррдейла, – не окажешь ли ты мне небольшую услугу?

– Назови. Если это в моих силах...

– Это не только в твоих силах, но ты сможешь при этом добиться кое-чего и для себя, – сказал Мирдин. – Для начала я хочу, чтобы ты отправился в небольшое путешествие и доставил некую вещь в предназначенное ей место.

– Даю слово, – сказал Оуэн, – я это исполню.

– Оуэн, Оуэн... он тебя обманет, – уверенно зашептал Кайтай. Но Оуэн только широко улыбнулся.

– Затем я сделаю для тебя еще кое-что, кроме этой малости с Гончим Псом, – продолжал Мирдин. – Я сделаю ваши следы невидимыми для Хранителей, чтобы они снова не послали за вами что-нибудь ужасное. Например, сейчас они уже готовят нечто похуже, чем тот Гончий Пес...

Кайтай побледнел так, что это стало видно даже на желтой коже.

– Я сделаю для тебя больше. – Мирдин замолчал, пристально глядя на Оуэна. – Ты однажды попробовал нечто, что умеет готовить твой маленький друг, – это приготавливают из растения гафта.

– Да, – ответил Оуэн, и улыбка сошла с его лица. – Будь проклят тот день, когда я попробовал ее.

– Я предупреждал тебя, чтобы ты не ел то, что вызывает видения, – воскликнул Кайтай. – Я говорил тебе, что это не просто для удовольствия или интереса...

– Но я все-таки попробовал ее, – произнес Оуэн, – я не виню тебя. В этом виноват я сам.

– Ты попробовал гафту, – снова заговорил Мирдин, – и теперь хранишь в памяти все, что пережил тогда, но уже не в силах этого вернуть. Вот мой следующий подарок. Я покажу тебе, где находится место, которое ты видел тогда. Я могу отправить тебя к тем белым воротам, над которыми выточена морская выдра.

Оуэн пристально взглянул на колдуна и прищурился.

– То был сон, – сказал он холодно, – а если это и было реальностью, то случилось столетия назад. Те ворота ныне прах. И все остальное... прах. Не глумись над снами, чародей...

– Я не шучу, – ответил Мирдин. – Место, которое ты видел во сне, и все то, что еще так волнует тебя там, – все это существует. Ворота стоят и сейчас, и город за ними.

Внезапно Оуэн рассмеялся и, подбросив кверху свой топор, ловко поймал его.

– Все же, по-моему, ты издеваешься, колдун, – произнес он, – или играешь втемную, как любит делать ваша братия. Но первое твоё предложение мне нравится. Убери чудовищ, посланных по нашему следу, а мы послужим тебе. А о втором предложении забудь, ясно? В обмен на твою услугу я готов ненадолго отправиться, куда ты попросишь. Я как раз сейчас ищу себе господина, которому мог бы служить, и подобное предложение меня устраивает. Ты поедешь со мной, Кайтай?

– Придется, – ответил Кайтай безо всякого выражения в голосе.

– Тогда решено, – сказал Оуэн. – И куда же ты намерен послать нас, владыка магии?

– Приходите в мой дом, в городе Мазайн, через пять дней. – Мирдин Велис вдруг стал прозрачным. Он стоял улыбаясь и продолжал таять, пока не исчез совсем.

– Прах меня побери! – воскликнул Оуэн, глядя на пустое место.

Кайтай торопливо взмахнул рукой, чтобы отогнать злые силы, а потом приглушенно сказал:

– Друг, он мог бы исполнить и второе свое обещание. Да хранят нас боги!

2

– Похоже, наш странный приятель сдержал слово, – сказал Оуэн, когда они выехали на большую дорогу, ведущую к городу Мазайн. Утреннее солнышко пригревало им спины, на дороге было полно путешествующих, даже в столь ранний час; и сумка с золотом весело позвякивала у колена Оуэна.

– Никаких признаков преследования, – согласился Кайтай. Но круглое лицо его было серьезно. Он задумчиво глядел на дорогу, теребя тонкий черный ус.

– Я уже вижу городские стены, там, вдали. И как будто пахнет морем, – сказал он.

– Да, море здесь близко, – ответил Оуэн. Он вытянул шею и принялся. – Ах, люблю я этот запах. Но пахнет и дымком... Это Мазайн. Я тоже вижу стены и кое-где крыши. Это он, великий город... Может, это не самый красивый и не самый чистый, но зато самый большой город на земле. Люди кишат в нем сотнями тысяч, как муравьи.

– В самом деле? – удивился Кайтай.

– Люди всех племен и народов приходят сюда в поисках денег, или посмотреть город, или торговать. Мазайн расположен на той части побережья, где южный берег близко подходит к северному, и все торговые пути мира сходятся здесь. Говорят, что если долго стоять на главной площади, то по крайней мере по одному разу мимо тебя пройдут все, кого ты знаешь.

– Уж там наверняка найдутся мудрые люди, – мечтательно проговорил Кайтай.

– Наш потрясающий приятель Мирдин – конечно.

Кайтай закатил глаза:

– Я подумал о магах меньшего калибра. Все, что мне нужно, – это кто-нибудь, немного знающий древние языки. Эта книга...

– Книга, – поморщился Оуэн, – этот клубок пергаментной ветоши едва не стоил нам обоим шкуры. Эта полуистлевшая гадость с непонятными каракулями не годится даже подтирать задницу. У тебя высохнут глаза прежде, чем ты узнаешь, что хотели сказать древние, и клянусь великой праматерью, все это окажется сборником любовных стихов, поваренной книгой или чем-нибудь в этом роде. – Он засмеялся.

Кайтай пожал плечами:

– Поиски мудрости, во имя одной только сладости познания, друг Оуэн. Тебе, видно, не дано этого понять. И кроме того, я не великий чародей, как... как тот, что говорил с нами. Я хочу кое-чему научиться.

– О, Кайтай, если бы я знал, чего хочу, – произнес Оуэн, глядя вдаль. – Посмотри туда. Западные ворота. Отсюда их хорошо видно.

Это было гигантское сооружение из розового камня, со ступенчатой крышей, выложенной ярко-красной черепицей, и открывавшейся посередине широкой аркой. Огромные базальтовые изображения давно забытых царей с обеих сторон охраняли Западные ворота Мазайна. Въезжавшие под арку повозки и вступающие под нее люди, пешие и конные, казались карликами на фоне этих истертых временем черных исполинов. У самых ворот, с выражением бесконечной скуки на лицах, стояли вальяжные, щегольски одетые и отлично вооруженные стражники.

Когда Оуэн и Кайтай въезжали в гулкие ворота, красивый молодой офицер лениво поднял руку, и они остановили коней.

– Торговцы? – спросил офицер.

Оуэн решил избежать лишних объяснений и просто кивнул. Он уже шарил в кошельке в поисках подходящей монеты.

Элегантный офицер получил серебряную монетку и, даже не потрудившись попробовать ее на зуб, с зевком махнул путникам рукой.

Оуэн и Кайтай пробрались сквозь толпу и вскоре оказались на прямоугольной площади, открывшейся сразу за воротами. Тут Оуэн снова придержал лошадь и осмотрелся.

– Однако много воды утекло с тех пор, как я впервые попал сюда, – задумчиво сказал он. – Очень много. Я был тогда еще юнцом, на все смотрел большими глазами, и город показался мне вдвое больше, чем кажется сейчас. Где-то здесь была гостиница... а! Вверх по той смешной улочке.

– Похоже, на лошади там не проехать, – заметил Кайтай, поворачивая коня. Они въехали в узкую, как коридор, улицу, темную от громоздившихся по обеим сторонам высоких домов. За поворотом открылась неширокая площадь, ограниченная с одной стороны высокой стеной, а с другой – дочерна прокопченным сооружением из нескольких этажей, с выцветшей деревянной вывеской, на которой было намалевано почти уже неразличимое изображение какой-то птицы.

И площадь, и большой двор гостиницы были полны народа. У конных рядов толпились озабоченные покупатели, а вдоль стены были привязаны лошади и мулы. Было там и одно-два странных животных, названий которых Оуэн и Кайтай не знали. Почти у самой гостиницы, вокруг небольшого костра, стояли красочные кибитки, под ними бегали и кувыркались шустрые грязные дети. Меж кибиток ходили смуглые женщины в ярких одеждах.

– Цыгане, – произнес Оуэн, кивая в сторону лагеря. – Жестянщики и воры, но я ничего не имею против них.

Кайтай закивал:

– Я их никогда не видел, но много слышал о них. Древнее племя... – Он смолк в задумчивости.

– Их язык очень старый. Интересно...

– Может, кто-то из них и сумеет помочь тебе с переводом рукописи, – сказал Оуэн, – а заодно выкрадет у тебя изо рта зуб и при этом наплетет с три короба самого невозможного вранья. Мало кто из них умеет читать даже на одном языке, хотя говорить они могут на многих.

Друзья спешили и повели коней к коновязи. Тут же появились конюхи, и Оуэн передал им поводья.

– Смотрите, чтобы все было в порядке, – приказал он конюхам, а те улыбались и кланялись в благодарность за брошенные им монеты.

– Получите еще, если будете хорошо обращаться с нашими лошадами, – добавил он, снимая сумку с седла. Затем многозначительно поднял свой черный серповидный топор. – Или вам придется познакомиться кое с чем, если зверюшки будут недовольны.

Кайтай ничего не сказал – он только сверкнул раскосыми глазами на конюха, бравшего у него лошадь, и парень нервно заулыбался.

– Сейчас пойдем к хозяину гостиницы и договоримся о ночлеге на сегодня и завтраке, – сказал Оуэн, показывая дорогу, – а потом займемся делами.

Часом позже они появились снова, договорившись обо всем. Оуэн сыто отрыгнул, улыбаясь, и Кайтай хихикнул.

– Это мой первый нормальный завтрак за целый год, – ответил ему Оуэн. – Мне кажется, я смог бы привыкнуть к городской жизни.

– Но ты обязался отправиться в путешествие, – сумрачно сказал Кайтай.

– Пускай, – беззаботно проговорил Оуэн. – Если задание окажется мне по душе...

Кайтай с сомнением покачал головой.

Оуэн нес тяжелую сумку с добытыми ценностями. Он с кажущимся легкомыслием перебросил ее за плечо, будто это была просто котомка с хлебом и сыром. Воры в Мазайне были наблюдательны и не побрезговали бы и краденым богатством.

Кайтай же крепко прижимал к груди свой мешок, пахнувший заплесневелым пергаментом. Любой воришка, за приметив эту парочку, сначала, конечно, попытался бы похитить сокровище Кайтая.

– Если хочешь, можем поговорить с цыганами, – сказал Оуэн, разглядывая маленький табор из дверей гостиницы. Молодая цыганочка, заметив бородача, послала ему ослепительную улыбку, и белые зубы ярко блеснули на смуглом лице. Оуэн в ответ только усмехнулся.

– В этих кибитках наверняка не найдется ни одного грамотного, чтобы помочь тебе, – сказал он Кайтаю, – но, быть может, мне удастся отыскать здесь что-нибудь стоящее для себя.

Они не спеша пошли между стоявшими кругом разноцветными вагончиками, с интересом глядя вокруг. Голые детишки шныряли у них под ногами, из какой-то повозки доносилось завывание дудки; цыганочка вновь улыбнулась – уже из дверей кибитки – и скрылась внутри, сверкнув босыми пятками.

– Владетельным господам что-нибудь угодно?

Перед ними была уже другая цыганка: стройная красавица с прекрасными черными кудрями, блестящими серьгами и в пламенно-красном платье с вычурной золотой вышивкой. Ее глаза прикрывала шаль, а улыбка была не так тепла, как у той молоденькой девочки: в ней была властность.

Она стояла, облокотившись о самый яркий в таборе фургон. Длинные бледные пальцы были усыпаны крупными кольцами: она бесцельно перебрасывала что-то из руки в руку, и камни колец играли на солнце. Оуэн не мог понять, что за предмет она подбрасывала, – похоже было на небольшой белый камешек. Он улыбнулся ей и заговорил:

– Мы не владетельные господа, мадам. Просто странствующий ученый – мой друг Кайтай – и я, не столь ученый человек... меня зовут Оуэн из Маррдейла.

– А что привело странствующего ученого и тебя, воин, к народу цыган? – проговорила она неторопливо, низким голосом. – Среди нас нет ученых, и мы никогда не воюем.

Оуэн широко улыбнулся:

– Ну что ж. *Каоло юра, э лахитен, фай. Ма кай Ром, лиленгро ас, най?*

Черные брови цыганки изумленно поднялись, но она тут же опомнилась, и ее улыбка стала откровенно насмешливой.

– Ты знаешь язык, рыжебородый, но это не делает тебя цыганом, или даже братом цыган, – ответила она на том же языке. – К тому же, повторяю, мы ничем не владеем. Что вам нужно здесь?

– Я слышал, что у цыган старые люди иногда знают много языков, – сказал Оуэн по-цыгански. – Вы ведь кочевой народ и бываете со своими кибитками повсюду. У нас с собой одна старинная книга, и мы хотели бы узнать, о чем она.

– Старинная книга? – Цыганка сверкнула глазами. – Дело, верно, касается сокровищ?

– Сомневаюсь, – усмехнулся Оуэн, – в ней, похоже, нет ничего примечательного, за исключением того, что представляет интерес для моего ученого друга.

– О! – Она уставилась на Кайтая, а потом резко перешла на обычную речь. – Не говори больше по-цыгански, *гахьо*. Ты плохо говоришь, и это раздражает меня. Желтолицый, дай я посмотрю твою руку.

Кайтай послушно протянул руку, и цыганка несколько мгновений рассматривала ее.

– Ага, – сказала она, кивнув, – хорошая судьба, *чик прала*. Я думаю, твое желание исполнится, и у тебя останется еще достаточно времени, чтобы насладиться этим. И еще тебя ждет очень дальняя дорога... Дай и ты мне свою руку, рыжебородый. Левую. Посмотрим... – Она склонилась к его руке, и тут выражение ее лица странно изменилось. Она долго вглядывалась в ладонь Оуэна.

– Мне кажется, и у тебя все сложится удачно, – проговорила она, – но все зависит от того, что считать удачей. Здесь есть очень многое. Потери и приобретения, и снова потери...

о, очень многое. И долгая жизнь. Я хотела узнать твое предназначение. Хотела понять, можно ли мне помочь тебе, и теперь вижу, что я должна это сделать. – Она отпустила руку Оуэна с непонятной, натянутой улыбкой. – Даже воровство написано на этой руке.

Оуэн пожал плечами.

– Ведь твой народ часто говорит, что человек должен жить как ему хочется, – ответил он ей. – Небольшая кража... ведь ты знаешь, мы все не без греха.

Она засмеялась:

– И ловкость в речах – тоже. Ладно, *баро*, я знаю одну старуху из нашего племени, которая помнит много старых языков. Она называет себя моей прабабушкой, но я ей не верю. Я отведу вас к ней.

С гибкой грацией она двинулась между повозками, а Оуэн и Кайтай пошли следом. Оуэн заметил, что бегавшие ребятишки сворачивали в сторону, чтобы не пересекать ей путь, а взрослые цыгане провожали ее взглядами, исполненными странной почтительности.

– Ты – царица табора, – догадался Оуэн.

Она кивнула:

– Да, умница *баро*. Я – Зельза. – Она назвала свое имя с такой важностью, будто это был титул. – Но мой народ беден и немногочислен, – добавила она, когда они уже входили в другой разноцветный фургон. Взгляд ее скользнул в сторону Оуэна. – И сейчас у нас больше нет царя. Я одна...

Она легонько постучала в дверь. Изнутри злобно отозвался высокий голос, говоривший с сильным акцентом, и Зельза ответила. Последовал трескучий обмен на цыганском языке, и затем дверь отворилась.

Женщина, глядевшая на них с порога, вполне могла быть чьей угодно прабабушкой, или даже прапрабабушкой. Ее лицо было как дряблое зимнее яблоко, коричневое, морщинистое и иссохшее, но глаза горели, как у молодой девушки, и держалась она прямо и с достоинством. У нее даже оставалось несколько зубов, которые она показала в том, что равно можно было смеху и улыбкой, и злобным оскалом.

– Будят старую женщину, которой так нужен покой. Хотела показать мне книги, да я вижу, что тебе надо, распутница, – бранила старуха Зельзу. – Мало тебе мужчин в таборе, вдовица? Готова угождать первому же *гахьо* только за его роскошную бороду! И что это за дурацкая книга, из-за которой вы меня побеспокоили?

Кайтай поклонился старухе – у его народа всегда было принято почитать старость.

– О высокочтимая, я – Кайтай, скромный школяр. У меня здесь... – он открыл сумку и извлек оттуда крошачий, ветхий свиток, – одна очень старая книга. Я надеялся найти кого-нибудь, кто мог бы подсказать мне способ прочесть ее. Счастливая судьба распорядилась так, что мы встретили ваши кибитки на своем пути.

Старуха в ответ хихикнула, видимо польщенная учтивой речью и манерами. Она взяла у него рукописи, а Зельза отворила глядевшее на табор крохотное оконце, чтобы впустить немного света.

Старая цыганка разложила книгу на узкой походной койке, уселась и стала, шурясь, рассматривать ее, часто переворачивая листы. Зельза, Оуэн и Кайтай безмолвно стояли в полутьме. Оуэн нагнул голову, потому что кибитка была низка для него, зато Кайтай был весь как натянутая струна.

– Такие письмена я встречала, – заговорила наконец старуха, и Кайтай шумно выдохнул. – Но... это очень древний язык, почти уже забытый. Я не смогу помочь тебе: я разбираю лишь отдельные слова, которые похожи на слова других языков... Этот знак, например, обозначает море. Повторено семь раз. Возможно, речь идет о народе, жившем у моря. Есть тут и древние слова, означающие кузнечное ремесло, соляные работы и торговлю. Эта рукопись может быть

книгой о магии или руководством для ювелирных мастеров. О! Здесь стихи. И еще что-то похожее на имя древнего правителя. Мне кажется, это отрывки из разных книг.

Кайтай кивнул безо всякого выражения в лице:

– Я признателен вам, о почтеннейшая, хотя я и надеялся узнать немного больше... но все же я чрезвычайно обязан вам за вашу помощь. Если я могу чем-нибудь отблагодарить вас...

Старуха бесцеремонно затрещала:

– Ничего я для тебя не сделала. Я вижу, ты парень хороший, и умный к тому же. Пробеуешь слегка колдовать, а? Я могла бы поучить тебя этому ремеслу, хотя другие народы и близко не могут так колдовать, как мы. Но с книгой я не в силах тебе помочь. Однако я знаю, кто смог бы. Это большой чародей, он живет в этом же городе. Я слышала, что он пользуется расположением самого короля: все сильные этого города боятся его и частенько просят помощи то в одном, то в другом... он очень старый, очень злой... почти такой же старый и злой, как я. Его зовут Мирдин.

Кайтай и Оуэн встретились взглядами, и Кайтай пожал плечами.

– Досточтимая, – мягко проговорил он, – мы уже познакомились с Мирдином Велисом... по дороге сюда. Мы договорились о встрече с ним, на завтра.

– Да? – Цыганка вскинула глаза. – Ого! Водитесь с ним самим? Остерегитесь! Он коварен. Кончится тем, что он возьмет ваши чучела в свою коллекцию говорящих мертвецов или сварит колдовское зелье из вашей печенки. Сторонись его, мой мальчик. И ты, и твой рыжебородый друг тоже.

Тут вмешалась Зельза:

– Бабушка, я смотрела их руки.

– И прочла в них что-нибудь для Зельзы, моя умница?

Зельза неторопливо улыбнулась:

– Я ведь знала, что ты подаришь им что-нибудь, ради меня, бабушка, – она поглядела на Оуэна, – раз уж их линии связаны с моей, как мне показалось.

– Быстро сделала выбор, – загадочно проговорила старая цыганка. Она наклонилась, пошарила под койкой, вытащила кожаный мешок и стала копаться в нем. Затем она вынула из него мешочек поменьше и задумчиво понюхала его.

– Все так же свежа, как и в тот день, когда я сорвала ее, – пробормотала она. – Она росла между его белых ребер, а сейчас он старше меня, а она все еще сладко пахнет. Это... Эй, рыжебородый, спрячь. – Она бросила ему маленький мешочек, в котором, по-видимому, была щепотка сушеной травы. – Если когда-нибудь у вас будут серьезные неприятности с самим великим Мирдином Велисом – а это рано или поздно случится непременно, – помни, что это то, чего он не переносит. Больше я пока ничем не могу вам помочь.

Ее тон неожиданно сменился на жалобный, старческий, ноющий:

– Не найдется ли у вас немного серебра, а? Всего одна монетка, но серебряная... очень мне пригодится, сами знаете, каждая денежка помогает старухе прожить еще немного... Ах! Благодарю, *баро*, спасибо тебе... а теперь, дети, позвольте мне немного вздремнуть. – Она выпроводила их из вагончика, с треском захлопнула дверь, и все трое оказались на ярком солнце. Оуэн снова понюхал волшебную травку. От нее шел странный сладковатый аромат, слегка напоминавший мяту. Он сунул мешочек за пазуху и рассмеялся.

– Ну что ж, Кайтай, похоже, что только наш необыкновенный друг Мирдин может прочесть эту вещь. Так что, я думаю, он ее и получит. Но ведь у нас еще остается наше золото, которое мы можем продать.

– Я надеялся... – пробормотал Кайтай, почти про себя.

Зельза внимательно посмотрела на Оуэна.

– Золото? – спросила она, насторожившись.

– О, одна-две безделицы из очень старого металла, – не моргнув глазом ответил Оуэн. – Мы отыщем в городе квартал ювелиров и сбудем его там. Нам нужны деньги – есть масса вещей, на которые я хотел бы немного потратиться: новый плащ, к примеру, и, быть может, игорный дом или что-то в этом роде, раз уж мы в таком городе.

– Можно я пойду с вами, послежу, чтобы вас не обманули? – тоном ангела спросила Зельза.

Оуэн захохотал.

– И уж ты постарайся вытряхнуть его из нас, не правда ли, красавица? – сквозь смех сказал он. – Ну-ну, к чему эта маска оскорбленной добродетели? Я знаю цыган и их страсть к деньгам. Собственно говоря, тут нет ничего плохого, но сегодня я не хочу расставаться со своей добычей.

– Ты хочешь приобрести на это золото кусок земли, верно, *баро*? — спросила Зельза тихо и зло.

– Возможно. Почему бы и нет?

– Рыжебородые! Все вы, рыжие, одинаковы, – сказала она, дернув плечом, – мечтаете привязать себя к клочку грязной земли, питаться травой и в конце концов лечь в эту же землю, чтобы удобрить ее. Вы все крестьяне. Мы, цыгане, свободны. Нам принадлежит весь мир, *гахьо*... и даже больше, чем мир. У нас есть все, потому что мы ничем не владеем. – Зельза взглянула своими сверкающими глазами прямо в глаза Оуэну.

– Я могу сделать тебя царем, рыжебородый, – медленно выговорила она. – Властелин маленького племени – это почти ничто. Но... мой господин. Это больше, чем ты мог бы ожидать, воин. Зачем тебе земля, Оуэн из Маррдейла. Стань цыганом, Оуэн. Быть нищим цыганом лучше, чем быть королем у *гахьо*... А ты станешь королем цыган.

На мгновение Оуэн забылся, зачарованный темным огнем глаз Зельзы: у него перехватило дыхание. С усилием он овладел собой и улыбнулся:

– О, это неоценимое предложение, мадам, но...

– Но? – Зельза метнула взгляд кобры.

– Но мы дали слово волшебнику, – продолжал он, – тому самому Мирдину Велису. Он недавно выручил нас, а взамен ему нужно лишь чуть-чуть нашего времени, и мы, конечно, сделаем, что он просит.

– Ему нужно не только наше время, Оуэн, – с похоронным видом заныл Кайтай. – Он требует и книгу тоже.

– Книгу – да. – Оуэн развел руками. – Плохо, конечно, но, быть может, будут и другие... на таком языке, который можно прочесть. Мы ведь обещали сослужить ему эту маленькую службу, верно?

Зельза все еще глядела горящими глазами на Оуэна. Медленно ее сжатые пальцы разжались, и она вздохнула.

– Ладно, – сказала она, – но после...

– О, после будет время поговорить и о другом, – заверил ее Оуэн. – Теперь о ювелирах. Где могут быть их лавки?

– Пошли, – сказала цыганка и двинулась вперед мерным цыганским шагом, показывая им путь по узким улочкам города.

Много времени спустя все трое показались на пороге темной лавки на улице ювелиров. Позади был длинный, изнурительный торг, тяжелый даже для Зельзы, искушенной в подобных делах. Ювелир, слывший самым богатым и опытным в гильдии, был поражен ценностью товара. Он справедливо счел его происхождение сомнительным: столь старые изделия были очень редки.

Все же, через некоторое время, они ударили по рукам и получили свое: во-первых, мешок золотых монет и, во-вторых, деревянную табличку с печатью ювелира. Она обязывала послед-

него выплатить им хороший процент от стоимости редких камней и оставшегося металла после того, как ювелир окончательно продаст их или закончит переделку. Недоверчивая Зельза хотела было получить с него все деньги сполна, но это была огромная сумма, даже при всем мастерстве ювелира сбивать цену. И хотя Зельза не доверяла порядку заключения сделок, принятому у городских жителей, в конце концов она все же сдалась: ювелир позвал свидетеля, поставил на деревянной табличке свою печать и печать гильдии и поклялся очень древним божеством.

– Теперь ты действительно богатый господин, – сказала Зельза, когда они вышли на улицу, – а говорил – пара безделиц. Кого ты ограбил, рыжебородый?

– Об этом лучше не спрашивать, – зашептал Кайтай.

– Здесь хватит на дивный кусочек земли на побережье в Марионской долине... – задумчиво сказал Оуэн.

– Земли! – огрызнулась Зельза.

– Оуэн, завтра мы идем к Мирдину Велису, – сказал Кайтай. – Возможно, после этого нам уже не понадобится никакой земли. Может быть, нам потребуется лишь по полоске с человеческий рост. Я боюсь этого колдуна, дружище.

– Честно говоря, я тоже, – ответил Оуэн, – но сделка есть сделка. По крайней мере, нужно понять, чего он хочет. А пока у нас полные карманы денег и у меня жажда, так что сначала пойдем выпьем по капле, а потом посмотрим великий город и поищем, как в нем можно нагрешить.

– Я уже много чего знаю об этом городе, – сердито сказала Зельза, – может, даже слишком много. А вино есть у меня в кибитке, Оуэн.

– Но я родом из Марионской долины, мадам, – ответил Оуэн, – а мы известны тем, что всюду суем свой нос и любим посмотреть мир, бываем то там, то здесь. К тому же я так толком и не видел этого города – я был мальчишкой, когда побывал здесь. Здесь несомненно есть и такие места, которые мальчишке не были интересны.

Кайтай вздохнул. Он заметил безумный блеск глаз Оуэна и вновь с раскаяньем вспомнил день, когда он дал своему другу попробовать заветной травки. Не нужно было много знать, чтобы понять, что жажда Оуэна была желанием вернуть душевный покой и мир, хоть на миг найти забвение в винной чаше. Оуэн искал освобождения от мечты, видения, которое приносит с собой гафта, а Кайтай знал, что такое невозможно.

– А я не хочу смотреть на чужую жизнь, – сказал он. – И город этот мне не нравится. Я не рожден жить среди высоких домов.

– Я тоже, – проговорила Зельза. – Пошли с нами в табор, Оуэн.

– Вы идите, – сказал он, – я приду позже. Ты, Кайтай, можешь попытаться прочесть свою книгу, пока я погуляю по городу. А Зельза пусть снова тебе погадает – Он усмехнулся. – Не бойтесь, я вернусь. Мне не хотелось бы пропустить завтрашнюю встречу.

3

Когда в городе стало темнеть, Кайтай попросил хозяина гостиницы внести в комнату свечи. Он разложил рукописи прямо на деревянном столе и запер дверь. Затем зажег свечи и курильницу с благовониями, от которой пошел странный резкий запах. Кайтай закрыл ставни. Завернувшись в свой истрепанный плащ, он лег грудью на стол, внимательно вглядываясь в полустертые угловатые значки старинной книги. Желтое лицо его оставалось бесстрастным, но пальцы дрожали, когда он время от времени переворачивал листы.

Внизу, перед гостиницей, высоко взвивалось пламя цыганского костра, и нараставшие волны музыки проникали даже сквозь плотно закрытые Кайтаем ставни. Цыгане давали представление для собравшихся в таборе людей – и местных жителей, и пришельцев из разных мест. Разодетые, чопорные люди из западного Парата, стройные, почти нагие темнокожие жители Морских островов в одеяниях из перьев и городские жители: толстые купцы, элегантная знать, ремесленники с учениками, воры-карманники – все были внутри круга. И многие уходили с облегченными кошельками. Одним там предсказывали судьбу, другие смотрели на трюкачей или танцоров или хлопали цыгану, выводившему на помост толстого медведя. Большинство из смотревших представление бросали деньги, а с тех, кто не бросал, легкие на руку цыганки умудрялись все же взять цену каким-либо способом.

Молча глядя на все это, на пороге кибитки стояла Зельза. Она ждала.

А высоко в гостиничной комнате, за закрытыми ставнями, Кайтай бормотал, по временам царапая одно-два словечка на табличке, и переворачивал листы книги.

Луна была низко, и ночная жизнь города наконец замерла. Теперь по табору бродило уже меньше людей. Кайтай в своей комнате откинулся на стуле, глядя на свечи, которые уже почти прогорели. Он глубоко вздохнул и медленно опустил древнюю рукопись обратно в мешок. Затем поднялся, задул все свечи, кроме одной, и раскрыл ставни. Далеко внизу угадывались очертания цыганских повозок. У одной из них он разглядел застывшую фигурку – это была Зельза.

Кайтай вышел из комнаты, прошел по узким коридорчикам и кривым лестницам гостиницы и оказался на улице. Шел он медленно, с опущенной головой, поминутно трогая свой нагрудный амулет.

Зельза услышала его шаги и повернулась навстречу. Зеленым огнем сверкнули ее глаза в темноте ночи, подсвеченной лишь пламенем костра.

– Он скоро придет, твой ненормальный приятель, – сказала она. Она не спрашивала, а утверждала.

– Он не более ненормальный, чем я, – сказал Кайтай. – Я тоже думаю, он вернется. Если, конечно, не получит нож под ребро в каком-нибудь притоне.

– Нет, – ответила Зельза.

– Я верю тебе, – сказал Кайтай, – у тебя, должно быть, особое зрение. Женщины моего народа тоже обладают таким. Но у них это бывает раз в жизни.

– У нас тоже, – резко ответила Зельза. – Только один мужчина открывает это зрение. Неважно, сколько было любовников, мужей, которых ты... но это – только для одного.

Кайтай кивнул. Спустя минуту он произнес:

– Он напьется.

– Я и это знаю.

– А в этом виноват я, леди, – сказал Кайтай. – Однажды, не так давно, по моей вине он увидел то, чего ему не надо было видеть. Теперь ему иногда поют призраки.

– Расскажи мне о нем, – попросила Зельза. – Как вы встретились? И где та земля, откуда он родом, эта Марионская долина?

– Я встретил его далеко отсюда, на востоке, – медленно заговорил Кайтай. – Я был совсем один, меня изгнали из моего племени... На это были причины. Он тоже был один, но он обладал сокровищем, которым поделился со мной.

– Что это за сокровище?

Кайтай лукаво усмехнулся:

– Вода, леди. Это было в тех краях, которые люди зовут Пустынными Землями и где мех с водой стоит дороже мешка драгоценностей. Так мы стали братьями. А что до его страны, то я никогда не видал ее, но он временами говорит о ней. Это гористая страна со множеством маленьких долин. Она находится на побережье, к югу, может быть, за тысячу лиг отсюда. Я думаю, жители его страны похожи на него. Очень вероятно, что они рыжие... признак, который считается несчастливым у моего народа. Они много поют, весьма любят приврать, и если соберутся трое из них, то не обойдется без драки или хвастовства. У них нет ни богатств, ни власти, но они отлично сочиняют стихи.

– Он бы хорошо пришелся к табору, – сказала Зельза.

– Сомневаюсь, леди, – ответил Кайтай. – Во-первых, как человек из долины, он не может ни подчиняться, ни править. А во-вторых, мне кажется, он влюблен в призрака, и земные женщины перестали его волновать.

Зельза задумчиво поглядела на Кайтая.

Где-то в темноте улицы, идущей от площади, слышалось далекое пение. Поющий не вполне уверенно выводил мелодию, но пел даже громковато для такой узкой улочки. Затем послышался лязг ставень, яростная ругань, сопровождаемая звуком выплеснутой воды. Пение прекратилось. Через минуту перед табором возникла фигура, которая неверным шагом направилась прямо к костру.

– Друг мой, – забормотал Оуэн, уставившись на Кайтая, – добр... ое... утро, милл... чародей. Как... дела с... чтением?

– Плохо, – ответил Кайтай. – А как дела с осмотром города?

Оуэн неопределенно хмыкнул.

– Нормально. Пили много... Хорошо, что не взял оружия. Кажется, здесь запрещено носить... оружие. Матрос, там... у доков, вспылел из-за какой-то девчонки, танцовщицы... кажется. Пытался меня прирезать. Стражники взяли его, и он попал в тюрьму за ношение ножа... – Оуэн усмехнулся и поднес к свету руку, разглядывая ушибленную ладонь и длинный порез на запястье. – А того, наверное, найдут, если ему не свернули голову. В общем, чудесный вечер.

– Я вижу, — заметил Кайтай, потихоньку улыбнувшись.

– У меня есть средство от пореза, – сказала Зельза, – если...

Оуэн посмотрел на нее, будто впервые увидел. Затем покачал головой и попятился:

– Благодарю, любезная мадам... но... я ни в чем не нуждаюсь. На мне все быстро заживает. Мне ничего не нужно... только... еще вина. Кайтай, сколько я ни пью, призраки... все еще здесь. – Он затряс головой. – Кайтай, Кайтай... я должен... туда вернуться. Мне надо... снова принять эту твою проклятую травку. Снова увидеть...

Кайтай покачал головой:

– Нет, друг Оуэн. Гафта уносит человека в сновидения, но только по одному разу в каждую из его прошлых жизней. Тот сон уже не вернуть. Никогда.

– Колдун, – пробормотал Оуэн, – тот чертов колдун. Он обещал вернуть меня туда... а иногда я слышу звон колокола... Царица табора, в твоём красочном дворце... на колесах не найдется ли пары кувшинов вина?

– Зайди. – Зельза повернулась и поднялась по ступеням в кибитку. Внутри засветился огонек, и желтый свет заструился из открытой двери. Оуэн, осторожно ступая, последовал за ней, но, запнувшись на пороге, с грохотом упал внутрь.

– Уф! – слышался изнутри его голос. – Прошу прощения, мадам. Но где же вино...

Зельза темным силуэтом появилась на пороге и сверху вниз посмотрела на Кайтая.

– Я дам ему цыганского вина, которое прекратит все сновидения, на время, – тихо сказала она. – Оставь его мне.

Кайтай медленно пошел сквозь тьму обратно в гостиницу, по коридорам и наверх, в свою комнату. Свеча почти совсем догорела – осталось только слабое желтоватое мерцание в лужице воска. Он закрыл дверь и сел на кровать. Глаза его не отрываясь смотрели на мешок, содержащий непрочитанную рукопись. Когда свеча потухла, он медленно откинулся назад, заложив руки за голову.

4

Дом Мирдина Велиса стоял на остроконачном мысу, врезавшемся далеко в бухту Мазайна. Со стороны города дом ограждала высокая гранитная стена – под ней проходила дорога к причалам, уже с утра забитая повозками и телегами, матросами и торговым людом. Две другие стены круто обрывались в черную воду, из которой угрожающе поднимались острые, как пики, старинные сваи. Это был не тот дом, в который легко войти: ходили слухи, что когда-то давно предприимчивые воры попытались проникнуть в него, но им был оказан соответствующий прием. После этого, в течение многих лет, никто не осмеливался красть у Мирдина Велиса.

Дом был очень старый, и никто не мог бы точно назвать время его постройки, кроме того, что он, возможно, был старше самого города. Это было высокое мощное строение из черного гранита, изощренно украшенное письменами на загадочном языке и изваяниями невиданных в природе зверей. Окон в доме не было, если не считать небольших стрельчатых оконцев на башне. Временами в них вспыхивали разноцветные огни, и рыбаки, заплывавшие в бухту, старались держаться подальше от этих пугающих маяков.

Вокруг дома был сад с редкими травами и деревьями, выращиваемыми для нужд, объяснение которым мог дать только сам Мирдин Велис. Слуги были неразговорчивы – те немногие из горожан, кому доводилось видеть их вблизи, сомневались, способны ли те вообще говорить. Неизвестно, были ли у них языки, но они, определенно, никогда не пользовались ими – молчаливые, всегда закрытые капюшонами, они беззвучно ухаживали за садом и работали в доме. Оказываясь в городе с каким-нибудь простым поручением, они ни с кем не говорили, а молча указывали костлявыми пальцами на то, что им было нужно.

Сам Мирдин Велис жил в этом доме так долго, что даже старейшие жители города не помнили, когда он там поселился. Выглядел он во все времена одинаково – с нестареющим лицом и фигурой юноши. Все правители Мазайна пользовались его услугами, и, должно быть, советы его были хороши, ибо Мазайн был богат, крепок и никакому врагу не удавалось взять верх над этим городом.

Помогал он и другим жителям города. Поговаривали, что любой мог обратиться к Мирдину Велису со своей нуждой или просьбой, и его желание исполнялось, однако за это всегда взималась соответствующая плата. Ее платили не деньгами, но чем – никто не мог сказать с уверенностью. Когда у Мирдина кончались деньги, он расплачивался за свои покупки золотом в новых, сверкающих слитках. Так что, видимо, он занимался своим необыкновенным ремеслом не ради денег.

Однако люди приходили к Мирдину только в случаях крайней нужды и почти никогда не посещали его вторично. Маленькая, выкрашенная красным дверь в обращенной к городу гранитной стене, служившая единственным входом в дом, открывалась очень редко.

Но сегодня был пятый день, и перед красной дверью стояли Оуэн и Кайтай. Они ждали.

– Однако он не спешит, – сердито заметил Оуэн. На нем был новый плащ, отличная кожаная туника, и борода его была аккуратно подстрижена. С утра он выпил пару стаканов живительного напитка, сваренного одной старой цыганкой, и теперь почти не чувствовал головной боли. Но настроение у него было отвратительное, и совсем не от похмелья.

– Нечего сказать, ты доказал свою дружбу, стоило мне только напиться, – ворчал он на Кайтая. А тот только улыбался чуть шире обычного.

– Оставил меня в когтях этой ведьмы цыганки, – продолжал Оуэн, наполовину про себя, – только великая прапраматерь знает, что она со мной сделала или, во всяком случае, могла бы сде-

лать. Она мне давала что-то в огромной кружке, наверное зелье. Скорей всего, оно заговоренное, и теперь со мной что-нибудь случится.

– Но спал ты тем не менее хорошо, – отозвался Кайтай.

– Верно, – согласился Оуэн, – никаких призраков... Кайтай, ты, конечно, не виноват, но лучше бы я не трогал твоей травки.

– Не забывай, – хмуро заметил Кайтай, – он, там... за стеной, обещал снять с тебя это.

– Если я выполню, что он просит, – сказал Оуэн. – А ведь это может оказаться чем угодно. Всю жизнь меня дурачат колдуны и цыганки... Эй! Ты слышишь? Кто-то там наконец проснулся. – И Оуэн снова забарабанил в дверь, пока изнутри не отозвалось эхо.

Красная дверь распахнулась, и за ней показалась фигура в плаще с большим капюшоном. Из-под капюшона на прищельцев уставились бесцветные, мертвые глаза. Затем встречавший поднял руку, поманил их и пошел в глубь сада.

– Нам надо идти за ним, я полагаю, – произнес Оуэн, и Кайтай последовал за другом в сад. Красная дверь тут же, за их спинами, сама собой затворилась. Сад был безжизнен – единственным звуком в нем был хруст гравия под ногами, когда Оуэн и Кайтай шли по петляющим дорожкам за своим странным провожатым. С обеих сторон стояли толстые пурпурно-зеленые растения, высокие, как деревья; некоторые – с диковинными блестящими цветами. Оуэн заметил, что в саду совсем нет птиц, и поглядел под ноги. И тут он увидел, что дорожка, по которой они шли, – вовсе не из гравия, а из чего-то похожего на плотно утрамбованную массу драгоценных камней. Кое-где с камнями смешивались белые обломки костей.

Они подошли к высокой, стрельчатой двери дома, и проводник прошел внутрь, не обернувшись на спутников. Они двинулись по широкой витой лестнице и наконец поднялись в залитый солнцем зал, где, стоя, ждал их чародей Мирдин Велис. Войдя, они сразу увидели его у высокого окна. Рядом с ним был Саймон. Проводник внезапно исчез, хотя прищельцы и не заметили, как он вышел.

Это был высокий, просторный и совершенно пустой зал. Мозаичный пол с диковинным спиральным узором отражал свет высоких окон и блестел холодно, как лед. Все помещение казалось странно холодным, несмотря на обилие солнечного света: откуда-то прилетал легкий холодящий ветерок.

Глядя на Мирдина Велиса, Оуэн заметил, что на него почему-то трудно было смотреть – реальный колдун был виден не так ясно, как когда-то его эфемерный образ. Кайтай тронул на груди амулет, но лицо его не выражало страха.

– Друзья мои, – заговорил Мирдин Велис глубоким приятным голосом, – подойдите, и мы поговорим о нашем деле. – Он улыбнулся, но Оуэн не почувствовал облегчения. Они подошли к чародею и остановились перед ним.

– Маленький колдун, – обратился Мирдин к Кайтаю, – ты не прочел книгу – я это знаю. Если бы прочел ее, ты не пришел бы ко мне. – Он улыбнулся шире: – Тогда я пришел бы к тебе просителем – из этой книги можно узнать очень многое. Помнишь ли ты свое слово? Дай мне книгу.

Кайтай медленно вытащил книгу и отдал Саймону, который, взяв ее в руки, раскрыл и поднес хозяину. Волшебник посмотрел в нее и кивнул.

– В ней содержится масса вещей, – помолчав, сказал он, – многие из них могли бы сделать тебя могущественным волшебником, маленький колдун. Но один-единственный секрет... только один, тот, который очень мне поможет... Этот секрет принесет вам большую выгоду, обоим.

Тут он пристально посмотрел на Оуэна своими древними глазами, в которых тот вдруг увидел бездну. Затем вновь заговорил:

– Поручение, которое я прошу тебя исполнить, ты можешь не выполнять. Я дождусь другого человека, и это не навлечет на тебя никакого зла с моей стороны. Но в таком случае я ничего не стану делать для тебя.

– Скажи, что это за поручение, – ответил Оуэн. – Как я могу дать ответ, не услышав, чего ты от меня хочешь?

– Ты возьмешь небольшой... предмет, – сказал колдун, – будешь тщательно оберегать его и доставишь в назначенное место далеко на западе. Там, на краю земли, ты поместишь эту вещь туда, куда я тебе скажу, и так оставишь. Вот и все.

– Звучит не так уж страшно, – задумчиво ответил Оуэн.

– На краю земли... – очень тихо повторил Кайтай.

– У меня есть карта, по которой вы без труда найдете дорогу, – сказал Мирдин Велис, – и не скрою, там вас ждут опасности, а помочь, как в тот раз, я не могу. Мне не подвластны те земли, и вам придется рассчитывать на собственную силу и изворотливость. А эти качества несомненно есть у вас обоих.

– Тогда договорились, господин мой волшебник, – объявил Оуэн. – Мы отправимся, когда прикажешь. И, по-моему, чем скорее это будет, тем лучше.

– По-моему, тоже, – ответил чародей. – Саймон, проводи этих смелых людей к причалу. Там ожидает небольшое судно, которое я недавно приобрел, – на нем имеется необходимый запас провизии. К тому же Саймон даст вам кошелек, и вы сможете купить в дороге все, что вам понадобится. Вам придется нанять матросов. По моему разумению, на этом корабле их потребуется всего четыре-пять.

Его странные глаза опять изучающе скользнули по ним обоим, он замолчал на мгновение, потом снова заговорил:

– Карту, показывающую путь, Саймон даст вам вместе со всем остальным, что вы должны будете взять. Она будет... готова... завтра. На это путешествие у вас уйдет не более полугода – туда и обратно. Сначала на корабле, к берегам земли, что лежит по ту сторону моря. Затем сушей до другого моря. Можно считать, что мы договорились.

Колдун отпустил их. Друзья молча вышли за бледным Саймоном из огромного дома, через сад, к двери на улицу.

И, только оказавшись на дороге, ведущей к причалам, Оуэн наконец заговорил.

– Саймон?

Тонкое лицо повернулось к нему, брови приподнялись.

– Ты тоже волшебник? – спросил его Оуэн.

– Я учусь Искусству у хозяина, Мирдина Велиса, – отвечал тот. – В мире нет никого мудрее и опытнее его. Но я уже научился многому и, надеюсь, когда-нибудь смогу сделаться чарореем не хуже его.

– Скажите, вы немианец? – вдруг спросил Кайтай, взглянув на Саймона. – Ваше произношение мне очень знакомо.

– Я там родился, – отвечал Саймон.

– Мы проезжали эти земли, правда давно, – продолжал Кайтай, – и тем удивительнее встретить человека из Немеи так далеко от тех мест.

Саймон продолжал шагать молча: он явно не был расположен к разговорам о своей родине. Они уже были на одном из тех длинных причалов, что опоясывали внутреннюю часть бухты. Справа находились лавки и склады; со стороны моря теснились суда всех размеров: одни были привязаны канатами, другие вытащены на берег. Перед ними возник каменный пирс, уходивший далеко в море, где пришвартовался небольшой корабль с высокими бортами, к которому и двинулся Саймон.

Это было простое крепкое судно с одной мачтой и треугольным парусом, имевшее, как заметил Оуэн, по восемь отверстий для весел на каждом борту. Он подумал, что если идти

под парусом, то можно обойтись командой из пяти человек, но, чуть только ветер спадет, ему понадобится по меньшей мере дюжина гребцов. Оуэн решил, что Мирдин Велис, несмотря на многие другие его умения, не разбирается в морском деле или, возможно, он знает преобладающие направления ветров на пути в ту страну лучше, чем кто-либо другой.

Оуэн не был хорошим моряком, но ему приходилось плавать, и он знал кое-что об управлении парусами. Кайтай никогда не плавал ни на чем больше каноэ, и то только через реку. Саймон взбежал вверх по узкому трапу, и Оуэн последовал за ним. Кайтай, поколебавшись, все же решился и тоже медленно двинулся по доске, с опаской глядя вниз, на черную воду.

– Вы не держите часового на борту? – удивился Оуэн, оглядев палубу.

– Никто не тронет корабль, принадлежащий Мирдину Велису, – отвечал Саймон, – воров мы не боимся. Пойдемте в каюту. – Он пошел к корме и провел их внутрь корабля.

– Все очень удобно, – одобрительно проговорил Оуэн. – В этой обстановке я уже сейчас начинаю чувствовать себя важной персоной.

Саймон достал сундучок, который был под одной из коек, поставил его на стол и раскрыл:

– Здесь золото. Используйте его для подготовки к походу. Отплыть вы должны завтра вечером. Я еще приду, с картами и... этой вещью. – Глаза Саймона на миг побелели. Он направился к двери и на мгновение задержался на пороге.

– Я оставляю вас. Когда будете готовы, вы сможете найти матросов у Пер Зали, который держит таверну напротив причала. Он уже получил указание найти людей, из которых вы сможете набрать команду. Я приду завтра.

Он вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Таверна Пер Зали была довольно гадким местом даже по портовым меркам, и разномастный матросский люд, который увидел там Оуэн, был тоже не первого сорта.

– Я сделал все, что в моих силах, господа, – бормотал Пер Зали, толстый лоснящийся тип. – Всегда готов услужить его светлости. Он хотел, чтобы я нашел рабочих, и я привел, кого смог. Тут черта с два найдешь охотников плыть через море в ту сторону. Да их никогда и не было, кроме разве что пиратов... К тому же очень немногие хотят брать золото от его светлости, даже из вторых рук, осмелюсь вам сказать.

– Значит, они боятся его? – спросил Оуэн.

– Я бы сказал – да. – Пер Зали провел Оуэна в уголок, где, упав лицом в разлившуюся на столе лужу вина, посапывало какое-то обтрепанное существо. – Вот этот – первоклассный кок и вполне может работать, если его не подпускать близко к вину... А тот – Само, провел на море двадцать лет. Верно, парень? – «Парню» на вид было все восемьдесят, и он только глупо хмылялся вместо ответа.

– Я жду капитана Ларра. Он водил большие торговые суда с севера... А вот и он. – Крепкий бородатый человек, который, к удивлению Оуэна, оказался трезвым, вошел в таверну и был радостно встречен Пер Зали.

– Он может все. Проложить курс по звездам, кулаками усмирить команду, когда требуется... словом, ребята, это тот капитан, который вам нужен.

Ларр хмыкнул. Оуэн, как мог, изложил суть дела, и Ларр кивнул, без малейшего воодушевления.

– Денег никаких не будет, кроме тех, что платит ваш хозяин, верно я понимаю?

– Он не совсем мой хозяин, – пояснил Оуэн, – но, видимо, не будет – только плата за плавание. Никакой добычи, если вы это имеете в виду. Мы, можно сказать, только выполняем одну небольшую миссию.

– Знаем мы эти путешествия по заданию колдунов, – проворчал Ларр, – но мне нужна перемена. Я возьмусь за это. Значит, мы должны доставить вас на дальний берег и дожидаться вашего возвращения, верно?

5

Войдя в каюту, Оуэн с грохотом захлопнул за собой дверь. Кайтай, который сидел с посережним лицом на койке и смотрел в кормовое окно, обернулся к нему, и раздражение Оуэна сменилось удивлением.

– Дружище, тебя что, уже укачало? – воскликнул он.

– Видимо, это будет путешествие не из приятных, – произнес Кайтай мрачно. – Я, кажется, не переносу качки. И вряд ли смогу приспособиться к жизни на воде.

– Похоже, наша команда тоже, – ответил Оуэн. – Мы только что втащили на борт еще один ходячий бурдюк с вином, и в итоге у нас восемь человек. Есть несколько трезвых, а остальные должны протрезветь через день, когда мы будем уже в открытом море. Но если мы простоим здесь еще пару часов, все трезвые сбегут, несмотря на контракты. Здешние ребята не любят путешествовать в том направлении.

Едва он успел договорить, как снаружи послышался какой-то звук.

– Шаги по палубе, – сказал Кайтай.

Дверь каюты открылась, и вошел Саймон.

– Я вижу, вы готовы к отплытию, – сказал он.

– Вроде того, – заметил Оуэн. – Ты принес инструкции и... посылку, или как это называется?

– Здесь все, что нужно, – ответил Саймон. Он вынул свиток бумаги и квадратный ящичек, который оказался шкатулкой размером с человеческую голову, из гладкого темного дерева, густо украшенной витым резным узором. Саймон осторожно, будто она могла разбиться, поставил шкатулку на стол и развернул рядом свиток.

– Здесь описание пути, – сказал он. – Я слышал, что капитаном вы взяли человека по имени Ларр. Имейте в виду – ему нельзя слишком доверять. Однако он сможет разобраться в этих указаниях. Здесь сказано: до этого градуса на запад, пока не покажется мыс, напоминающий двускатную крышу. Затем на юг, через пять-шесть лиг откроется круглая бухта с белыми пляжами и цепь гор на материке, к западу.

Оуэн кивал, вглядываясь в грубо нарисованную карту. Он сразу увидел, что краска на ней свежая, будто ее рисовали совсем недавно. И еще он заметил, что надписи по краю были на том же языке, что и в старинной книге Кайтая, которая попала к Мирдину Велису.

– Это все было в той старинной книге, Саймон? – спросил он. – Быстро твой хозяин прочел ее, а?

Саймон поднял голову и с опаской оглядел Оуэна. Еще через мгновение он сказал, мягко:

– Ты ловкий и смелый человек, Оуэн из Маррдейла. Но будь же и мудр. Не задавай много вопросов Мирдину Велису, ибо за каждый вопрос взывается своя цена.

Саймон снова склонился над картой:

– Вот здесь корабль должен стать и ждать вашего возвращения. Не знаю, насколько вам удастся положиться на терпение и честность человека по имени Ларр. Он может бросить вас. – Саймон усмехнулся. – Если он это сделает, вам придется пробираться назад самим, а я не могу вам сказать, как это сделать. Но вот дорога, по которой вы пойдете после высадки с корабля. Через густой лес, к этому горному перевалу. Дальше – по пустыне, где нет воды и много опасностей. Затем вы выйдете к берегу другого моря – там стоит дом с золотой крышей и белой башней. В этом доме находится зеленый камень, в форме колонны, выше человеческого роста. Поставьте на этот камень то, что лежит в ларце, и уходите.

Оуэн снова кивнул и бросил взгляд в сторону шкатулки.

– Далековат путь для такой маленькой посылочки, – заметил он.

Саймон тонко улыбнулся:

– Мой хозяин велел сказать тебе, что место, к которому ты так стремишься в снах, находится по соседству с той белой башней.

Оуэн побелел и схватился за край стола. Минуту спустя он овладел собой, и к нему вернулся прежний румянец.

– Хорошая цена, – наконец сказал он.

– Неподалеку оттуда лежат сокровища, – продолжал Саймон, – совсем рядом с тем местом вы найдете больше золота и драгоценных камней, чем сможете унести, а также все, чего ни пожелаете. – И он выразительно посмотрел в сторону Кайтая.

– Ладно, договорились, – сказал Оуэн и протянул руку к шкатулке. – Ну, а здесь что?

– Нет! – Саймон быстрым, как нападение змеи, ударом оттолкнул руку Оуэна. – Осторожнее. Открывать нельзя, до того момента, когда вам придется... пока не придет время установить это на колонне из зеленого камня.

Кайтай не отрываясь смотрел на шкатулку, и его раскосые глазки потемнели и заблестело, а на лице застыл с трудом скрываемый страх.

– Оуэн, я вижу то, что скрыто, – проговорил он, – я вижу мертвое среди живого, смерть среди жизни. О, слуга волшебника, зачем ты положил... *это*... в шкатулку?

Саймон высокопарно кивнул:

– Может, лучше было бы, если бы вы ничего не знали. Но маленький желтолицый кое-что понимает, у него особое зрение. Поэтому он все узнал. В этой шкатулке череп Мирдина Велиса, который должен вернуться на то место, где родился волшебник. Больше ничего вам знать не нужно, для вашего же спокойствия.

– Так что же, Мирдин Велис – мертв? – воскликнул Оуэн.

– Я не сказал, что он мертв, – отвечал Саймон, – я сказал только, что в шкатулке лежит его череп.

В каюте установилась тяжелое молчание. Было слышно, как снаружи, на палубе, Ларр распекает кого-то из матросов, готовившихся к отплытию, но тишина в полутемной каюте была почти осязаемой, Саймон повернулся и вышел, закрыв за собой дверь. Оуэн свернул и убрал карту. Затем очень осторожно поднял шкатулку, поставил ее в стенной шкафчик и запер дверцу.

– Я не очень уверен, что мне все еще нравится это путешествие, – задумчиво проговорил он, потирая тыльной стороной ладони свою рыжую бороду. Кайтай в ответ только пожал плечами: он старательно избегал смотреть в сторону шкафа, где находилась злополучная шкатулка.

– Думаю, будет хуже, если ты откажешься, – сказал он. – И потом, в тех землях должно быть много интересного.

Когда солнце взошло, его косые лучи стали проникать сквозь решетчатые окна, оставляя на полу каюты узор из желтых отсветов. Солнечные зайчики прыгали и перемещались в разные стороны из-за качки. Разбуженный первыми лучами, Оуэн скатился с койки и теперь стоял лицом к корме, глядя назад по ходу судна. Горизонт был чист, а небо ясно. Но ветер, видимо, был хороший, потому что корабль шел очень быстро.

В дверь постучали, и Кайтай, разбуженный и недовольный, застонал и натянул одеяло на голову. Оуэн распахнул дверь: за ней, нетвердо держась на ногах, показался древний старик, которого накануне взяли коком.

– Не желают ли достойные господа позавтракать, – спросил он, кося глазами и слегка покачиваясь. От него сильно пахло кислым вином и рыбой, и вид его вряд ли мог пробудить у кого-то аппетит. Но на Оуэна действовал свежий морской воздух, и он улыбнулся старику.

– Как тебя зовут, кок? – спросил Оуэн. – И что это ты там приготовил?

– Чам, сэр. – Старик мотнул головой и улыбнулся. – Я думал, что ваша честь непривычны к жизни на море и не изволят сегодня есть много. Но у меня найдется всего по кусочку – все свежее, только что приняли на борт, перед отплытием. А другой господин не желает покушать?

Кайтай пробормотал невнятное ругательство на родном языке, даже не высунув головы из-под одеяла.

– Сомневаюсь, что он захочет, – ответил Оуэн, – но я бы съел чего-нибудь, дружище Чам. Постарайся и приготовь чего-нибудь получше, примерно на троих. А где капитан Ларр? Может, он позавтракает со мной, раз уж мой друг не может составить мне компанию.

– А, капитан... они уже откушали, – сказал Чам. – Запустили тарелкой мне в голову и сказали, чтобы я скормил все акулам. Потом посмотрели на солнце и пошли на свою койку, на носу, так что, наверное, теперь мы их часа два не увидим. Может, дама составит вам компанию, сэр?

Оуэн уставился на старика.

Через минуту он овладел собой и спросил:

– Дама? И что же это за дама, говори, старая ты свинья.

– Как? Та самая дама, что ваша честь изволили пригласить с собой в путешествие, для удовольствия, я полагаю, на что такие важные господа имеют полное право, тогда как простые честные матросы вынуждены проводить всю жизнь без женской ласки, которая облегчила бы им их тяготы...

– *Что это за женщина?* – заревел Оуэн. Чам слегка отступил, но уже не мог остановиться.

– Честному матросу остается только надеяться, что между плаваньями ему удастся найти где-нибудь в порту потаскуху и что она не украдет все его деньги. Между прочим, деньги, которые тяжело даются... Так что, сэр, дама будет с вами завтракать, или нет?

– Я сейчас убью этого бормотуна, – сказал Оуэн и вдруг дернул себя за бороду. – Черт побери...

Потому что в это мгновение дама появилась на трапе, ведущем с верхней палубы: она была в моряцкой куртке с капюшоном и держала мешок, который бросила на палубу. Это был весьма тяжелый мешок, и Оуэн понял, что дама оказалась здесь совсем не случайно.

– Ты... – Оуэн потерял дар речи и затряс головой. В ответ ему сверкнула улыбка Зельзы. Она посмотрела на свой мешок.

– Ты позволишь мне войти, рыжебородый? – ласково спросила она. И бросила Чаму. – Завтрак мне бы не помешал. Я провела ночь на палубе, в матросской куртке, и у меня разыгрался аппетит.

Беззубо улыбаясь, кок исчез в надстройке, где у него горела плита. Оуэн взял мешок Зельзы, вошел в каюту и швырнул его на койку. Она смиренно последовала за ним.

– Ты. – Он обернулся к ней, и глаза его яростно блеснули.

– Я узнала о готовящемся плавании от пьяного матроса, который отказался участвовать в таком безумном, как он сказал, предприятии, – тихо сказала Зельза. – К тому же кое-что я прочитала у тебя на руке. Поэтому я пробралась на корабль, как раз перед отплытием. По твоей руке я увидела, что тебе нужна будет помощь, спасение. Моя помощь.

– Но ты мне не нужна, цыганка, – хрипло ответил Оуэн. – Я не хочу, чтобы ты... плела вокруг меня свою паутину. Мне следовало бы вплавь отправить тебя обратно.

– Это верно, ты не принадлежишь мне, *гахьо*, – сказала Зельза, – ты принадлежишь ей. Женщине из волшебного сна... но твоя жизнь связана с моей. Ты это скоро увидишь.

Кайтай приподнялся на локте со своего места и, моргая, смотрел на них.

– О небесный медведь, как можно так громко каркать, когда человек страдает, – сердито проговорил он. – Оуэн, ты что, и цыганку свою с собой взял?

– Великая праматерь!!! – заорал Оуэн. – Она не моя, и я ее не брал!

Зельза улыбнулась.

– Тебе плохо, желтолицый? – спросила она.

– Я чувствую себя хуже, чем великий прародитель после того, как он проглотил мистическую ящерицу, – пробормотал Кайтай и вновь убрал голову под одеяло. Зельза быстро вышла из каюты, а Оуэн остался сидеть, опершись подбородком на руку и нахмурившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.